

Среда 2-го Юля 1914 г.

Обозрѣніе ТЕАТРОВЪ

Ежедневная газета съ программами
и либретто с-петербургскихъ театровъ

Чеховъ и его „Чайка“.

И. Н. Потапенко хорошо знакомъ съ исторіей постановки на сценѣ чеховской «Чайки». Онъ заботился о перепечаткѣ экземпляровъ, о переговорахъ съ цензурой и т. д. О постановкѣ пьесы онъ рассказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, печатающихся въ Юльскихъ номерахъ «Нивы».

Авторъ воспоминаній спорилъ съ А. П. Чеховымъ относительно сцены «Чайки», находя, что сцена предълагаетъ къ писателю исполнѣнію законныя требованія, которымъ они должны подчиняться или не пользоваться сценой. А. П. этого рѣшительно не признавалъ. Онъ утверждалъ, что всякихъ сюжетовъ не нужно. Въ жизни нѣтъ сюжетовъ, въ ней все переменно—глубокое съ мелкимъ, великое съ ничтожнымъ, трагическое съ комическимъ. Онъ считалъ, что драматурги просто багинотизированы и поработаны рутинной, съ которой никакъ не могутъ разстаться. Театръ требуетъ новыхъ формъ. Нужны новыя формы, новыя формы, — часто повторялъ А. П.

Основной репертуаръ въ Александринскомъ театрѣ составляли варахи, но бенефицианты имѣли право выбирать для себя пьесу. Если бенефисъ получалъ актеръ второстепенный, то онъ иногда, ради хорошаго сбора, жертвовалъ своимъ актерскимъ самолюбіемъ и, отказываясь отъ подходящей для себя роли, старался вырваться на имени первой актрисы или автора пьесы. Тутъ случилось послѣднее. «Чайка» была поставлена въ бенефисъ Левяковой, для которой въ пьесѣ не было составленъ роли. Публика привыкла къ тому, что Левякова актриса комическая. На бенефисъ собралась ея публика, посѣщающіе театръ для того, чтобы посмѣяться. Они были въ правѣ ожидать, что ихъ любимая комическая актриса поставитъ в пьесу съшину. Въ томъ кругу, который она привлекала на свой бенефисъ, — какъ думаетъ г. Потапенко, — даже имя Чехова было мало или совсемъ неизвѣстно. А такихъ зрителей было на этомъ исключительномъ спектаклѣ большинство.

Съ первыхъ же словъ началось недоразумѣніе. Актеры говорили на непонятномъ языкѣ недоступный пониманію публики вещи. Никто не смѣшалъ. Ш. выслушавъ актъ и часть вторую, Левякова публика почувствовала себя оскорбленной, — говоритъ г. Потапенко. — Кроме того, эта публика была невоспитанная. Другая публика, если бы даже нашла пьесу неутраченной, плохой, низкаго уваженія къ автору — проводила бы ее молчаливо. Это было бы чудеснѣе, но въ этомъ не было бы ничего обиднаго. Но тутъ было иначе.

Во время представленія зрители первыхъ рядовъ демонстративно поворачивались спиной къ сценѣ, громко разговаривали со знакомыми, шептались, свѣтались.

Само собою разумѣется, что актеры реагировали на такое поведение публики полной расе-

ринностью, отчаяніемъ, и всеобщей паникой, — какъ опредѣлили самі Чеховъ. Пьеса провалилась шумно, скандально.

Впечатлѣніе, произведенное на Чехова этимъ навѣрольнымъ событіемъ, было огромное. И нужно было обладать чеховской выдержкой, — говорить г. Потапенко, — чтобы имѣть равнодушное лицо и почти равнодушно шутить надъ всѣмъ происшедшимъ. Авторъ воспоминаній пришелъ къ А. П. на другой день утромъ. Чеховъ писалъ письма. Чемоданъ его былъ уже уложенъ.

— Вотъ отчаяніе, что пришелъ, — сказала А. П. — Но крайней мѣрѣ, проводимъ. Тебѣ я могу доставить это удовольствіе, такъ какъ ты не принадлежишь къ очевидцамъ моего вчерашняго триумфа... Очевидцевъ я сегодня не желаю видѣть.

— Почтовыйкъ?

— Нѣтъ, это долго ждать. Есть поѣздъ въ двѣнадцать.

— Отвратительный. Идетъ, кажется, двадцать два часа.

— Тѣмъ лучше. Буду спать и мечтать о славѣ... Завтра буду въ Мелиховѣ. А? Вотъ блаженство... Ни актеры, ни режиссеры, ни публики, ни газетъ. А у тебя хорошій нюхъ.

— А что?

— Я хотѣлъ сказать: чувство самосохраненія. Вчера не пришелъ въ театръ. Мнѣ тоже не слѣдовало ходитъ. Если бы ты видѣлъ фязиономию актеровъ! Они смотрѣли на меня такъ, словно я обокралъ ихъ, и обходили меня за это сажень. Ну, идемъ...

Взявъ пальчика и поѣхали на Николаевскій вокзалъ. Тутъ Антонъ Павловичъ уже шутить и подсмѣивался надъ собой. Положить газетчикъ. «Не читано», — сказалъ ему А. П. Потому замѣтилъ ошибку:

— Посмотри, какое у него добродушное лицо, а между тѣмъ, руки его полны оравы. Въ каждой газетѣ по рецензії...

— Конечно, говорить онъ передъ самымъ отъѣздомъ. — Больше писать пьесъ не буду. Не моего ума дѣло. Вчера, когда шелъ изъ театра, высоко поднявъ воротникъ, яко тѣмъ въ ночь, — кто-то изъ публики сказалъ: — это беллетристика, а другой прибавилъ: — и прелюбая; а третій спросилъ: кто такой этотъ Чеховъ? Откуда онъ взялся? А въ другомъ мѣстѣ какой-то коротенькій господинъ возмущался:

— Не понимаю, чего это дирекція смотритъ. Это оскорбительно — допускать такіа пьесы на сценѣ.

А я прохожу мимо и, держа руку въ карманѣ, складываю фигу: — на, молъ, скупай, потъ ты и не знаешь, что это сдѣлалъ я.

— А ты, можетъ, раздумалъ, Антонъ Павловичъ, не останешься? — предположилъ г. Потапенко.

— Ну, пѣтъ, благодарю. Сейчасъ все придутъ и утѣшатъ будутъ — съ такими лицами, съ какими провожаютъ дорогихъ родственниковъ на каюту.

Антонъ Павловичъ уѣхалъ по словамъ авто-

ра воспоминаній, глубоко оскорбленный Петербургомъ.

Но онъ скоро преодолѣлъ свое тяжелое настроеніе. Пріѣхавъ въ Мелихово, онъ тотчасъ же сѣлъ за письма, и въ одномъ шуточно пишетъ: «Дома у себя я принимаю касторки, умылся холодной водой, и теперь хотѣю новую пьесу писать...»

Любопытно, что первая репетиція «Чайки» шла очень вяло. Антонъ Павловичъ, нѣжѣе замѣченный, пришелъ на одну изъ репетицій въ театръ и ушелъ изъ него подавленный. До спектакля оставалось пять дней, а половина исполнителей читали роли по тетрадкамъ; нѣкоторыхъ же вовсе не было на сценѣ; вмѣсто нихъ появились бородатый помощникъ режиссера и прочитывалъ послѣднія слова изъ репликъ. Когда режиссеръ упрекалъ актера, читающаго по тетрадкѣ: «Какъ вамъ не стыдно, до сихъ поръ роль не выучить!» — тотъ отвѣчалъ: «Не беспокойтесь, я буду знать свою роль».

— «Ничего не выйдетъ, — говорилъ А. П. послѣ репетицій. — Скучно неинтересно, никому это не нужно. Актеры не заинтересовались, значитъ — и публику они не заинтересуютъ.» — Онъ хотѣлъ даже снять совѣтъ пьесу. Но одна изъ слѣдующихъ репетицій прошла блестяще. А. П. пришелъ къ самому началу. «Актеры его увидѣли, и на сценѣ произошло то непонятное и неподдающееся объясненію явленіе, — говоритъ г. Потапенко, — которое знакомо только актерамъ, и, можетъ быть, только русскимъ: чудо, иногда спасающее совѣтъ проваливающуюся пьесу: безъ предварительнаго уговора — общій подъемъ, коллективное вдохновеніе, неаримо соединеніе съ небомъ огненные языки». Игра Коммиссаржевской была вдохновенной. Чеховъ былъ очень доволенъ. Исчезли всѣ сомнѣнія и, казалось, что успѣхъ пьесы обезпеченъ. Генеральная репетиція прошла гладко, но вяло. Наканунѣ спектакля А. П. обѣдалъ съ г. Потапенко у Палкина, и, по его словамъ, какъ бы предчувствуя успѣхъ, сильно нервничалъ. Къ спектаклю пріѣхали изъ Москвы Марья Павловна и еще кое-кто изъ близкихъ, и А. П. былъ этимъ очень недоволенъ.

Слѣдующіе спектакли пропали при явномъ соотвѣстствіи публики. Актеры оправдывались своею растерянностью, и пьеса шла съ успѣхомъ. Но А. П. относился къ сообщеніямъ объ этомъ скептически и рѣшительно не соглашался печатать «Чайку». Впрочемъ, сборы «Чайки» гдѣ-то небольшіе, и дирекція скоро сняла ее съ репертуара. Нѣсколько лѣтъ спустя «Чайка» снова появилась на сценѣ, уже съ совершенно инымъ успѣхомъ и инымъ сборамъ.